

Д О Н С К І Я

Е П А Р Х І А Л Ъ Н Ы Я

В Ъ Д О М О С Т И

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

Подписка принимается въ Правленіи Донской семинаріи въ Новочеркасскѣ.

Цѣна годовому изданію вѣдомостей 3 р. 37 съ полов. к., а съ доставкою и пересылкою 4 р. серебромъ.

Г О Д Ъ Д Е В Я Т Ы Й

№ 21

1877 г.

1-го Н О Я Б Р Я

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Речь, произнесенная Высокопреосвященнымъ Александромъ, Архіепископомъ Донскимъ и Новочеркасскимъ, при открытіи реального училища 2 октября сего года.

Пастырски привѣтствую новооткрытое реальное училище и призываю на учащихся въ ономъ Божіе благословеніе. При семъ не неумѣстнымъ считаю привести слова св. апостола Павла къ Тимофею. Советую ученику своему удаляться разныхъ словопреній и басней и упражняться въ благочестіи, ап. Павелъ присовокупляетъ: *тѣлесное бо обученіе в малѣ есть полезно, а благочестіе на все полезно есть, обитованіе имѣющее живота нынѣшняго и грядущаго. 1. Тим IV, 8*

Смысль словъ Апостола тотъ, что физическія науки приносятъ пользу только въ кратковременной земной жизни, и то не всегда, не при всѣхъ обстоятельствахъ; а благочестіе, основанное на вѣрѣ, полезно всегда и вездѣ, во всѣхъ путяхъ земной жизни и при томъ не ограничивается предѣлами настоящаго вѣка, а имѣетъ залогъ и жизни будущей—вѣчной. Да, безъ вѣры не

много принесутъ пользы человѣку науки, скорѣе составятъ для него тягостное бремя, подавляющее еще неокрѣпшія, юныя силы духа. Тогда только науки приносятъ истинную дѣйствительную пользу, когда въ основаніе ихъ полагается св. вѣра, которая должна служить свѣточемъ, руководителемъ и мѣриломъ нашихъ познаній. Тогда только образованіе достигнетъ своей цѣли, когда оно будетъ совершаться при свѣтѣ откровенной религіи Христовой. Одинъ свѣтъ естественныхъ наукъ, безъ благодатнаго просвѣщенія, не въ силахъ разогнать нашу природную тьму и не даетъ положительнаго отвѣта на возникающія въ умѣ недоумѣнія. Всѣ вопросы о видимой природѣ, о происхожденіи и назначеніи человѣка, — внѣ Божественнаго откровенія, разрѣшаются лишь посредствомъ однѣхъ гипотезъ, наведеній, разныхъ возраженій — и даже грубыхъ насмѣшекъ надъ вѣрою. Тогда какъ вѣра отвѣчаетъ на эти вопросы прямо, положительно, — и для сердца чистаго, для ума, не зараженнаго предубѣжденіями, не омраченнаго самолюбіемъ вполне удовлетворительно и убѣдительно.

Желаю усердно, чтобы естественныя науки, назначенныя въ семь училищъ, — преподавались не въ противорѣчій, а въ тѣсной связи и согласіи съ Богооткровеннымъ ученіемъ, чтобы религія была въ основѣ и главѣ ихъ и своимъ небеснымъ свѣтомъ озаряла умственное образованіе учащихся. Тогда и тѣлесное обученіе не в малѣ только полезно будетъ, не для одной земной жизни, но и для будущей. Соединенное съ вѣрою и благочестіемъ, знаніе реальныхъ наукъ сдѣлаетъ человѣка дѣйствительно и истинно образованнымъ, полезнымъ гражданиномъ отечества и усерднымъ дѣятелемъ на поприщѣ общественной жизни.

Видимымъ благословеніемъ церкви для сего училища да будетъ сія икона св. Іоанна воина.

Такъ какъ большая часть обучающихся здѣсь по выходѣ изъ училища должна поступить въ военную службу, то св. воинъ Іоаннъ да служитъ для нихъ примѣромъ воинскихъ доблестей и Молитвенникомъ предъ Господомъ.

Записка объ архивъ, находящемся при Старочеркасскомъ Воскресенскомъ Соборъ.

IV. Кому неизвѣстна личность Емельяна Пугачева, сто лѣтъ тому назадъ производившаго страшное волненіе въ восточныхъ областяхъ Россійской Имперіи? Кто не слышалъ о немъ какихъ либо разказовъ, принявшихъ легендарную форму, или не читалъ большихъ или малыхъ сочиненій о немъ и произведенномъ имъ возмущеніи? Тѣмъ не менѣе должно сказать, что какъ въ характерѣ, такъ и въ жизни Пугачева доселѣ еще многое остается не разгаданнымъ и не уясненнымъ. Между прочимъ, сравнительно немного извѣстно о годахъ жизни его на родинѣ—въ Зимовейской станицѣ и во всей Донской области, о тѣхъ волненіяхъ, которыя старался онъ произвести среди Донцовъ, о тѣхъ распоряженіяхъ, которыя издавались войсковымъ начальствомъ противъ него, и томъ участіи, какое принимали Донцы въ преслѣдованіи этого государственнаго преступника. Намъ приходилось слышать, что среди Донцовъ сохранилось довольно живое воспоминаніе о Пугачевѣ и его кровавыхъ слѣдахъ по землѣ Донской; но къ сожалѣнію, эти воспоминанія нигдѣ и нигдѣ не записаны, хотя мы думаемъ, что они не мало могли бы помочь разъясненію того, какъ образовалась личность Пугачева и какимъ образомъ рѣшился онъ стать во главѣ возмущенія, распространившагося на громадномъ пространствѣ и съ трудомъ подавленнаго вооруженною силою.

Но не одни воспоминанія и устные разказы о Пугачевѣ сохранились на Дону; здѣсь есть и нѣсколько тѣхъ временъ документовъ, имѣющихъ отношеніе къ нему и содержащихъ въ себѣ какъ нѣкоторыя распоряженія высшаго правительства, присланныя на Донъ, такъ и различные приказы войсковаго начальства, свидѣтельствующіе о значительномъ участіи казаковъ въ преслѣдованіи Пугачева и его сообщниковъ. И эти-то документы находятся въ Старочеркасскомъ Воскресенскомъ архивѣ. У насъ подъ руками таковыхъ имѣется восемь, изъ коихъ иные въ дуплетахъ. Кромѣ

того, г. Леоновымъ кратко описано пять актовъ. Но можно полагать, что въ показанномъ архивѣ должно быть ихъ несравненно болѣе; вѣдь только самая незначительная часть его дѣлъ разсмотрѣна и прочтена. Впрочемъ, не будемъ говорить о томъ, что еще неизвѣстно, а воспроизведемъ здѣсь содержаніе тѣхъ документовъ, которые имѣются у насъ изъ архива Старочеркасскаго собора.

1. Приказъ Войсковаго Наказнаго Атамана Семена Сулина и всего Войска Донскаго во всѣ городскія станицы: Сего Генваря 26 дня, въ Высочайшей Ея Императорскаго Величества изъ Государственной Военной Коллегіи къ намъ Войску Донскому присланной грамотѣ изображено: что оказавшійся въ предѣлахъ Оренбургской губерніи, извѣстной уже разбойникъ и бѣглець изъ подъ караула, Донской казакъ Емельянъ Пугачевъ дерзнулъ принять на себя имя покойнаго Императора Петра третьяго, присылаетъ во многія мѣста злодѣйскія свои письма ко оболщенію подъ тѣмъ именемъ разными недѣльными общаніями, простаго народа: сего ради оною Высочайшею Ея Императорскаго Величества грамотою повелѣвается намъ Войску Донскому всѣ таковыя получаемыя куда либо отъ помянутаго бездѣльника, разбойника Пугачева письма, на площадяхъ тотъ часъ, какія полученныя найдены будутъ, жечь чрезъ палачей, а гдѣ оныхъ нѣтъ, то чрезъ прохвостовъ, а какого тѣ письма содержанія будутъ давать знать въ Военную Коллегію и въ исполненіе оной Высочайшей Ея Императорскаго Величества грамоты того же числа, въ присутствіи, въ канцеляріи Войсковыхъ дѣлъ, опредѣлили мы Войскомъ Донскимъ: къ вамъ станищнымъ атаманамъ и казакамъ и базовымъ татарамъ послать наши войсковыя грамоты и приказы и велѣть наискрѣпчайше и прилежнѣйшимъ образомъ наблюдать: есть ли таковыя отъ показаннаго, извѣстнаго разбойника Пугачева оболщительныя письма гдѣ либо окажутся, оныя, не чиня по нимъ злодѣйскимъ оболщеніямъ ни малѣйшаго вѣроятія, но соблюдая вѣрноподданническую Ея

Императорскаго Величества присягу, тотъ часъ съ нарочнымъ, при рапортѣ, для истребленія присылать къ намъ Войску Донскому. Какъ равно, связавъ вообще, буде явятся, посыльщиковъ и оболъстителей, скованныхъ и за крѣпчайшимъ карауломъ, сюда же доставлять и въ обысканіи таковыхъ, оболъстительныхъ злодѣйскихъ писемъ, равно и въ поимкѣ подсылщиковъ, станищнымъ атаманамъ, старикамъ и казакамъ, однимъ словомъ каждому, употреблять всевозможное попеченіе, какъ долгъ присяги вѣрноподанныхъ Ея Императорскаго Величества рабовъ и истинныхъ сыновъ отечества требуетъ, и во всемъ поступать и исполненіе чинить по точному содержанію Высочайшихъ Ея Императорскаго Величества манифестовъ, отосланныхъ предъ симъ при нашихъ Войсковыхъ грамотахъ и приказахъ, для обнародованія по всему нашему вѣдомству, о чемъ Вамъ вѣдать и чинить непремѣнное исполненіе, таковыя же грамоты и приказы въ прочія станицы и во все вѣдомства нашего мѣста посланы. Писанъ въ Черкасскомъ. 1774 года генваря 29 дня. У сего приказа наша Войска Донскаго печать.“

2. Приказъ того же Атамана Семена Сулина и всего Войска Донскаго въ городскія станицы:

„Каковъ сего числа, при Высочайшей Ея Императорскаго Величества грамотѣ, изъ Государственной Военной Коллегіи нами Войскомъ Донскимъ полученъ Высочайшій Ея Императорскаго Величества печатной манифестъ, о оказавшемся во Оренбургской губерніи измѣнникѣ, бѣгломъ съ Дону казакѣ Емельянѣ Пугачевѣ, съ онаго при семь къ вамъ посылается точная копія, которую по полученіи имѣете нимаю медля на полныхъ станищныхъ сборахъ старикамъ, казакамъ и вырострамъ, казачьимъ дѣтямъ, однимъ словомъ, всемъ въ станицахъ вашихъ живущимъ, вѣрноподаннымъ Ея Императорскаго Величества, на основаніи прежде посланнаго къ Вамъ предъ симъ, при посылкѣ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества о показанномъ разбойникѣ и злодѣѣ Пугачевѣ манифеста, нашего войсковаго при-

каза, съ яенымъ истолкованіемъ обнародовать; таковыя же манифесты ко всемъ опредѣленнымъ старшинамъ и въ другія вѣдомства нашего мѣста посланы. Писанъ въ Черкаскомъ. 1774 года Генваря 31 дня. У сего приказа наша Войска Донскаго. печать.

3. Въ приказъ в. н. ат. Сулина отъ 12 августа 1774 года городскимъ станицамъ читаемъ: „Въ подтвержденіе отъ 11 числа сего мѣсяца посланнаго къ Вамъ нашего войскового приказа приказали мы Войскомъ Донскимъ послать къ вамъ сей нашъ приказъ и велѣть по приложенному при томъ приказѣ реэстру въ числѣ тысячи человекъ, командируемыхъ по Всевысочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію, на поискъ и въ прахъ истребленіе извѣстнаго государственнаго тысячи казней достойнаго злодѣя Пугачева, съ полковникомъ Александремъ Иловайсковымъ изъ станицъ вашихъ исправныхъ о дву добрыхъ конь въ воинскомъ оружіи и съ мѣсячнымъ провіантомъ нарядить тридцать человекъ казаковъ и татаръ четыре и буде кто по особому къ Ея Императорскаго Величества усердію и ревности въ охотники въ сей походъ идти явится, онымъ не возбранять и опредѣлять ихъ въ нарядное число, и всехъ тѣхъ казаковъ и татаръ представить къ реченному походному полковнику Иловайскову, а въ канцелярію войсковыхъ дѣлъ подать онымъ именныя списки.“

4. Приказъ того же атамана город. стан. отъ 13 августа 1774 года, говорить: „Въподтверженіе отъ 8 сего августа посланныхъ къ вамъ и по всемъ станицамъ тожь и старшинамъ нашихъ войсковыхъ грамотъ и еще вновь полученному весьма важнѣйшему извѣстію о злодѣйствахъ извѣстнаго государственнаго измѣнника и клятвопреступника Пугачева съ его богомерскою сволочною толпою, приказали мы Войскомъ Донскимъ къ вамъ станичнымъ атаманамъ и казакамъ и базовымъ татарамъ послать сей нашъ войсковою приказъ и велѣть всемъ станицъ вашихъ служилымъ, отставнымъ и въ льготѣ состоящимъ казакамъ

тоже и выросткамъ, казацкимъ дѣтямъ, могущимъ управлять конемъ и ружьемъ на истребленіе по долгу присяги и усердности злодѣйствъ помянутаго изверга Пугачева состоятъ во всякой воинской исправности въ ежеминутной къ походу готовности, такъ чтобъ по полученіи перваго повелѣнія тотъ часъ съ опредѣленными старшинами изъ станицъ выступить и въ назначенное мѣсто въ самой крайней скорости прибыть могли.

5. Въ приказѣ того же атамана отъ 31 августа по город. стан. читаемъ;,, Изъ полученнаго здѣсь отъ походнаго атамана *Макара Грекова* рапорта усмотрѣли мы Войскомъ Донскимъ, что въ команду его Грекова на искорененіе и истребленіе извѣстнаго государственнаго злодѣя Емельки Пугачева съ его богомерскою толпою вашихъ городскихъ, тоже Донскихъ и Донецкихъ станицъ казаковъ является весьма малое число и только то и есть, кои, имѣя страхъ по долгу присяги своей, хотя у себя въ службахъ и наемщиковъ имѣютъ, къ нему Грекову изъ станицъ прибыли, а прочіе, отправя въ службы наемщиковъ и обмѣнщиковъ, якоже и состоящіе въ льготѣ до будущей отставки казаки изъ станицъ не выступили и у него не явились, а базовыхъ татаръ прибыло къ нему всего четыре человѣка. А какъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ къ искорененію онаго злодѣя Емельки Пугачева съ толпою, по усердной нашей Войска Донскаго къ Ея Импер. Величеству и отечеству должности и присягѣ, слѣдуетъ *всякому, хотя бы кто наемщиковъ или обмѣнщиковъ въ службы вмѣсто себя отправилъ, тожь и встѣмъ многымъ быть въ теперешнемъ поголовномъ походѣ безъ всякаго закрытія*, такъ какъ вѣрноподаннымъ Ея Императорскаго Величества рабамъ по долгу своей вѣрно учиненной присяги, того ради приказали мы Войскомъ Донскимъ послать сей нашъ войсковой приказъ и велѣть, если въ станицахъ вашихъ и самымъ дѣломъ такіе казаки отъ сего поголовнаго похода остались, кои за себе имѣютъ гдѣ по службахъ наемщиковъ и обмѣнщиковъ, тоже состоящіе до отставки въ льготѣ, оныхъ всѣхъ якоже

и базовыхъ татаръ въ число наряженныхъ десяти послѣднихъ шесть человекъ на пораженіе и истребленіе показаннаго злодѣя Емельки Пугачева съ его богомерскою толпою по вѣрноусердной нашей Войска Донскаго къ Ея Императорскому Величеству и отечеству службѣ и присягѣ по полученіи сего тотъ часъ изъ станицъ о дву конь въ исправномъ воинскомъ оружіи и съ провіантомъ выслать, приказать слѣдовать имъ въ команду походнаго атамана Грекова съ поспѣшеніемъ и кто именно котораго числа высланы будутъ къ намъ Войску Донскому рапортовать и о семъ же въ Донскія отъ *Маноужкой до Терновской*, и въ Донецкія станицы особыя грамоты посланы.

6. Приказъ того же Атамана и всего Войска Донскаго во всеѣ городскія станицы:

„Сего числа присланнымъ къ намъ Войску Донскому, находящимся нашего войска съ командами на истребленіе злодѣя Пугачева, линейской походной Атаманъ Василій Перфиловъ, Полковники Василій Маньковъ, Карпъ Денисовъ и Григорій Поздѣевъ; а Полковникъ Алексѣй Иловайскій рапортомъ представили: въ 1-мъ Перфиловъ съ товарищи, что 25 числа у рѣки Волги, у самаго Сальникова завода, оной злодѣй противу detachамента господина Полковника Михельсона поставилъ съ своей гнусной стороны пѣшихъ и повелъ было старедную атаку на нашихъ со обонихъ сторонъ detachамента, на правой походнаго Атамана Перфилова и Чугуевскихъ флангъ, а на лѣвой—на всѣхъ нашихъ при семъ бывшихъ Донскихъ, но и сіе-де скверное предпріятіе храбростію всѣхъ нашихъ при семъ бывшихъ Донскихъ такъ скоро и сильно опрокинуто, что уже пѣхота съ нашей стороны не имѣла дѣла, увидя злодѣйскую толпу и пушки въ недѣйствіи болѣе четверти часа, а лошадные злодѣи гнаты нашими Донскими болѣе сорока верстъ и въ семъ случаѣ убито злодѣевъ три тысячи, въ плѣнъ взято семь тысячъ, пушекъ отбито двадцать пять, самъ же злодѣй въ самомъ маломъ числѣ, безъ никакой рухляди и пушекъ, повыше Чернаго Яру перетянулся за Волгу;

казаки же состоящіе въ вѣдѣніи его Перфилова, кромѣ двухъ легко раненныхъ, всё цѣлы. Во 2-мъ Иловайсковъ тоже, въ слѣдованіи его съ командою въ городъ Царицынъ, приближась къ Рачевской крѣпости, изъ отпавленной имъ напередъ его въ шестидесяти человѣкахъ партіи, чрезъ нарочно присланнаго казака отъ злодѣйской изъ толпы тирана Пугачева партіи, которая вѣже была за линією, получилъ свѣдѣніе, по которому онъ, Иловайсковъ, съ казаками его команды, устремившись и достигнувъ ее за рѣчкою Мечетною, усилился дѣлать на пути атаку, въ чему походный атаманъ Луковкинъ и полковникъ Яновъ съ казаками весьма поспѣшали и оную злодѣйскую партію, безъ всякой изъ команды своей потери, разбивъ, не малое число тѣхъ злодѣевъ покололъ; а сто шесть человѣкъ въ плѣнъ взялъ, а 27 ч. помаршировали онъ, Иловайсковъ, на истребленіе злодѣя Пугачева въ слѣдъ за Полковникомъ Михельсономъ. Того ради, въ присутствіи, въ канцеляріи Войсковыхъ дѣлъ, опредѣлили мы Войскомъ Донскимъ: въ разсужденіи, дабы сей злодѣй, переташеніемъ своимъ за Волгу, не сдѣлалъ бы иногда гнустнаго оборота къ Дону, принять отъ того по Войску Донскому крѣпкую предосторожность, и по потому къ походному Атаману Макару Грекову посланною грамотою велѣно, къ недопущенію злодѣя онаго Амельки Пугачева, въ случаѣ иногда злодѣйскаго его изъ завода поворота въ здѣшнія нашего войска Донскаго границы, и въ прахъ его къ истребленію, распредѣлить находящіяся при немъ войска въ нижесказанныхъ мѣстахъ, а именно: одинъ полкъ при Полковникѣ между Нижнею Кургальскою и Верхнею Михалевскою, у перелаза чрезъ Донъ, другой при Полковникѣ жъ, между Нагавскою и Верхнею Курморарскою, а самому ему, съ однимъ Полковникомъ, стоять противъ Цымлянскои станицы, и, наиприлежнѣйше наблюдая, имѣть крѣпкую и неослабную какъ отъ упоминаемаго злодѣя Амельки Пугачева, чтобъ онъ какимъ случаемъ, переташась изъ за Волги, злаго покушенія сдѣлать не могъ, такъ и отъ набѣговъ измѣнниковъ Дербе-

тевыхъ калмыкъ предосторожность и стараться злыя еи покушенія вконецъ истребить и что происходить будетъ, почасту къ намъ Войску Донскому рапортовать, а къ Генераль-Маіору Князю Багратиону посланнымъ сообщеніемъ требовано: на такомъ же основаніи отправленные, съ Закубанскаго похода, три казачьи полка Кирсанова, Платова и Уварова, расположить въ удобныхъ мѣстахъ, и въ какихъ именно расположены будутъ Войсковую Канцелярію увѣдомить; о чемъ и вамъ станищнымъ атаманамъ и казакамъ и базовымъ татарамъ, о мѣстѣ отъ злодѣя Амелки Пугачева и измѣнниковъ Дербетевыхъ калмыкъ, при станицахъ вашихъ всѣкрѣпкія предосторожности симъ нашимъ войсковымъ приказомъ подтверждается; о семъ же какъ въ прочія всѣ станицы особыя грамоты посланы, такъ и во всѣ пограничныя мѣста и къ командамъ знать дано. Писанъ въ Черкасскомъ 1774 году сентября 2 дня. У сего приказа наша Войска Донскаго печать.

7. Приказъ того же Атамана и всего Войска Донскаго всѣмъ городскимъ станищнымъ атаманамъ и казакамъ и базовымъ татарамъ: Хотя предъ симъ посланными отъ насъ Войска Донскаго во всѣ вѣдомства нашего станицы нашими Войсковыми грамотами, по причинѣ послѣдовавшаго для искорененія государственнаго злодѣя и измѣнника Пугачева поголовнаго похода, о не ѣздѣ на Манокія озера за солью предписано было, но какъ нынѣшней злодѣй Пугачевъ съ сволочною его толпою истребленъ, и давши волочащіяся отъ той толпы его въ разныхъ мѣстахъ остатки почти вовсе уже искоренены, а особливо по состоявшемуся по благости Всевышняго Бога, между Всероссійскою Имперією и Оттоманскою Портою вѣчно-заключенному миру опасности никакой не предвидится, того ради опредѣлили мы Войскомъ Донскимъ: послать по всѣмъ рѣкамъ съ нарочными наши Войсковыя грамоты, а къ вамъ сей, и велѣть охочимъ и служилымъ, отставнымъ казакамъ и казачьимъ дѣтямъ, какъ лошадьми, такъ и вьюлами,

если нынѣ въ станицахъ вашихъ отъ скотскаго падежа состоить благополучно, возить ту соль только для собственнаго своего обиходу, съ такимъ притомъ наикрѣчайшимъ подтвержденіемъ, что-бы въ каждой ватагѣ было, на непредвидимой иногда въ тотъ случай, къ отпору отъ нечаяннаго непріятельскаго нападенія, настоящихъ служилыхъ и отставныхъ казаковъ и возрастныхъ казачьихъ дѣтей оружейныхъ, бромѣ малолѣтнихъ по двѣсти человѣкъ, и въ работники приписныхъ по нашему Войску Донскому и проживающихъ съ дѣйствительно данными изъ присутственныхъ мѣстъ паспортами, малороссіянъ нанимать дозволяется, но съ тѣмъ при томъ всенастрожайшимъ хозяевамъ и подѣ ихъ единственнымъ въ противномъ случаѣ отвѣтомъ подтвержденіемъ, какъ въ посланной, минушаго Юля 25, отъ Войска Донскаго, о ѣздѣ за солью войсковою грамотѣ предписано поступать, безъ малѣйшаго, подѣ тягчайшимъ станищнымъ атаманамъ и старикамъ въ силѣ законовъ истязаніемъ, тоуущенія неизмѣнно, а при томъ и отъ измѣнниковъ Дербетевыхъ калмыкъ имѣть предосторожность; о семъ же въ верховыя станицы, грамоты, а въ Усть-аксайской и Роговской станы и Грушевскіе, Кривянскіе и Заплавскіе хутора приказы съ нарочными посланы. Писанъ въ Черкасскомъ 1774 году Сентября 26 дня. У всего приказа наша Войска Донскаго печать.

8. Приказъ Войсковаго Наказнаго Атамана Семена Сулина всего Войска Донскаго всѣхъ городскихъ станицъ старшинамъ, станищнымъ атаманамъ, казакамъ и базовымъ татарамъ, „Присланнымъ къ намъ Войску Донскому съ Волги, отъ двадцать четвертаго сентября, походный Полковникъ Матвей Платовъ рапортомъ увѣдомилъ, что государственный злодѣй Емельянъ Пугачевъ за Волгою пойманъ и о поимкѣ его уже въ Царицынѣ опубликовано и осей-же того злодѣя Амелъки за Волгою, близъ рѣчки Большой Узени, поимкѣ отъ господѣ Генералъ-Маіоровъ Князя Багратіона и Потапова, по полученнымъ ими отъ господина Генералъ-Маіора и кавалера Мансурова извѣстіямъ, иуувѣ-

домленія въ полученіи имѣются; очемъ къ вамъ Войска Донскаго старшинамъ, станищнымъ, атаманамъ, казакамъ и базовымъ татарамъ симъ нашимъ приказомъ дается знать, и таковыя же грамоты и въ прочія всѣ станицы посланы. Писанъ въ Черкасскомъ 1774 года октября 1 дня. У сего приказа наша Войска Донскаго печать.

Въ дополненіе тѣхъ историческихъ данныхъ, которыя находятся въ приведенныхъ нами войсковыхъ приказахъ, представимъ еще извлеченія ихъ трехъ актовъ, описанныхъ г. Леоновымъ.

Въ первомъ изъ нихъ, въ войсковомъ пригазѣ отъ 20 окт. 1774 г., говорится, что въ присланномъ войску отъ г. Э. Потемкина предложеніи изображено, что „извергъ Пугачевъ дѣйствительно въ рукахъ праведнаго Ея Имп. Величества воинства находится, а какъ въ возстановленіи спокойствія пораженіемъ и уничтоженіемъ сего измѣнника со всею подобною ему толпою не токмо отряженные съ Дону нашего Войска чины, но и все оставшееся къ придѣлахъ Донскихъ начальство единодушно съ сродною намъ войску храбростію и стремленіемъ признательно соучествовали, то Ея Импер. Величество по прозорливости своей Всемиловѣйше удостоивъ такъ похвальныя и живо ревность того войска изображающіе подвиги Высокомонаршаго своего благоволенія повелѣтъ ему г. Генераль-Аншефу и кавалеру (Потемкину) коизволила именемъ своимъ объявить храбраго своего войска всѣмъ чинамъ вообще, что признаніе и память сихъ изъявленныхъ ими къ престолу и отечеству заслугъ не токмо завсегда сохранится, но и праведнымъ Ея толь ревностнымъ поступкамъ воздаяніемъ удостоено будетъ, и о такомъ Всевысочайшемъ Ея благоволеніи симъ къ свѣдѣнію всѣхъ войска сего чиновъ объявляя съ пріятнѣйшимъ по долгу его надъ войскомъ начальства удовольствіемъ, не умедлилъ исходатайствовать храброму сему войску милость—того ради опредѣлили мы войскомъ Донскимъ объ оной Всевысочайшей Ея Импер. Величества милости и благоволеніи къ свѣдѣнію всѣмъ по вѣдомству нашему публиковать

съ тѣмъ при томъ напоминаніемъ, чтобъ каждый вѣрноподаанный рабъ, чувствуя сію изливаемую Всевысочайшую милость и благоволеніе, соблюдая присяжную свою должность, службы свои простирали со всекраснѣйшею ревностію и усердіемъ, о чемъ симъ нашимъ войсковымъ приказомъ и публикуется: 1

Второй документъ представляетъ ордеръ (въ копіи) командующаго всею легкою конницею и иррегулярными войсками г. Потемкина на Донъ въ верхніе и нижніе юрты, всѣмъ атаманамъ и казакамъ, в. н. ат. Сулину и всему войску Донскому, съ прописаніемъ имяннаго Ея Имп. Величества къ г. Потемкину указа на поднесенное имъ отъ войска Донскаго прошеніе, въ исполненіе чего симъ ордеромъ войсковою канцеляріи предлагается: 1, сей изъявленной Ея Имп. Величествомъ къ ревностному сему войску опытъ правосуднаго Ея благоволенія всѣмъ чинамъ объявить и въ каждую станицу на всегдашнюю память дать со оногo указа (копію), что ревность и вѣрность войска Донскаго къ Намъ и престолу Нашему, доказанныя многочисленными ихъ въ прошедшихъ войнахъ, такъ какъ и въ послѣдней Турецкой войнѣ, храбрыми подвигами за вѣру и Отечество, никакому сумнѣнію не подвержены, но во всегдашней Нашей памяти пребываютъ; 2, Зимовейскую станицу (по причинѣ той, что государственнѣй злодѣй Емелька Пугачевъ родился въ той станицѣ) на другое мѣсто перенести, и 3, наименованіе оной станицы званіемъ моей фамиліи (Потемкинъ) отдать на собственную волю станицы чиновъ: 2

Въ послѣднемъ приказѣ войсковомъ, отъ 25 окт. 1774 г., содержится объявленіе, въ слѣдствіе предложенія графа Панина и репорта г. Потемкина о „Монаршемъ Ея Импер. Величества благоволеніи всѣмъ войска начальникамъ и нижнимъ чинамъ, бывшимъ неоднократно при пораженіи злодѣя Пугачева и послужившимъ съ отменною ревностію и храбростію: 3

Таковы историческіе факты, которые находимъ мы въ приведенныхъ актахъ Старочеркаскаго архива, до вопроса объ участіи

Донскихъ казаковъ въ подавленіи пугачевского бунта. Еще такъ недавно въ самой Донской области, — въ главномъ ея городѣ Черкасскѣ — произошло было возмущеніе по поводу ареста войсковаго атамана Ефремова; но какъ мы знаемъ, волненіе это скоро прекратилось. Виновные просили прощеніе у правительства, которое просило ихъ и даже выразило свое благоволеніе въ той надеждѣ, что они новыми подвигами поспѣшатъ загладить свою вину и доказать свои вѣрноподданическія чувства и преданность Государынѣ и отечеству. И правительство не ошиблось. Открылся такъ называемый пугачевскій бунтъ, во главѣ котораго, по несчастію, стоялъ одинъ ихъ уроженцевъ Донской земли казакъ Емельянь Пугачевъ. Но на сторонѣ этого возмутителя не было сочувствія другихъ Донскихъ казаковъ. Напротивъ, они явились въ высшей степени ревностными и неустрашимыми преслѣдователями этого „тысячи казней достойнаго государственнаго измѣнника и злодѣя съ его богомерскою сволочною толпою“.

Въ то время какъ русское правительство двинуло значительныя силы противъ Пугачева, войско Донское, можно сказать, все стало на ноги — поголовно, „на поискъ и въ прахъ истребленіе“ его. Приведенные акты свидѣтельствуютъ, что не только очередные казаки, но и находившіеся на льготѣ въ ожиданіи отставки и такіе, которые за себя отправили на службу наемщиковъ или обмѣнщиковъ, выростки и даже всѣ казачьидѣти, которыя только были въ состояніи управлять конемъ и ружьемъ, — всѣ они отправлены были, „о дву конь въ исправномъ воинскомъ оружіи и съ провіантомъ“, „на пораженіе показаннаго злодѣя Емельки Пугачева съ его богомерскою толпою“. Были, впрочемъ, нѣкоторые казаки, которые хотѣли уклониться отъ похода, — это собственно тѣ, которые отправили за себя на службу наемщиковъ или обмѣнщиковъ или состояли на льготѣ. По войсковое начальство, разсылая приказы по станицамъ повелѣло всѣхъ такихъ „изъ станицъ выслать и приказать слѣдовать въ команду походнаго атамана Грекова съ поспѣшеніемъ“.

И вотъ, Донскіе витязи, отправившись противъ Пугачева, явились самыми дѣятельными преслѣдователями его, съ сродною всему войску Донскому храбростію, стремленіемъ и съ отъиною ревностію, они признательно соучаствовали съ другими русскими войсками въ возстановленіи спокойствія, неоднократно дѣйствовали при пораженіи измѣнника Пугачева и уничтоженіи всей подобной ему толпы. Эти подвиги Донцовъ снискали имъ со стороны Государыни новое выраженіе Ея Императорскаго благоволенія и увѣренія, „что ревность и вѣрность войска Донскаго, доказанная многочисленными ихъ храбрыми подвигами за вѣру и отечество, никакому сумнѣнію не подвержены, но во всегдашней памяти пребываютъ.“ Кромѣ этого, правительство сдѣлало распоряженіе, чтобы Зимовейская станица, въ которой родился Пугачевъ, перенесена была на другое мѣсто и чтобы дано было ей новое наименованіе по фамиліи г. Потемкина. По послѣднему распоряженію послѣдовало дѣйствительно переселеніе Зимовейской станицы на новое мѣсто, и ей дано названіе, „*Потемкинской*.“

Быть можетъ, что всѣ историческіе факты, извлеченные изъ представленныхъ нами актовъ Старочеркаскаго архива, извѣстны специалистамъ историкамъ; тѣмъ не менѣе чрезъ это нисколько не уменьшается значеніе архива, какъ содержащаго въ своихъ документахъ указанія на такія обстоятельства, которыя давно уже имѣютъ цѣну въ глазахъ ученыхъ людей. Но мало этого, вѣдь то, что воспроизведено нами по исторіи пугачевскаго бунта, едва ли исчерпываетъ все содержаніе архива по этому вопросу. Вѣдь мы имѣли дѣло съ документами, случайно попавшимися намъ въ руки. Не въ правѣ ли послѣ этого предположить, что въ немъ должно храниться немало другихъ актовъ, содержаніе которыхъ явится быть можетъ новостію и при томъ очень цѣнной даже для науки, въ интересахъ которой посему стоитъ потрудиться надъ разборомъ всѣхъ архивныхъ дѣлъ.

Обзоръ философскихъ ученій. Для духовныхъ семинарій. Составленъ преподавателемъ духовной семинаріи, Михаиломъ Остроумовымъ. Первая половина. Тамбовъ, 1877 г.

Критическая замѣтка.

Въ Тамбовскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ съ 12 іюня текущаго 1877 года, началось печатаніе особымъ прибавленіемъ „Обзора философскихъ ученій,“ составленнаго преподавателемъ дух. семинаріи г. Остроумовымъ. Отъ души порадовались мы, увидѣвши впервые заглавный листъ упомянутаго сочиненія. Но, при чтеніи первыхъ же страницъ труда г. Остроумова, намъ суждено было разочароваться. Пусть читатель, на основаніи предлагаемыхъ нами критическихъ замѣчаній, посудить самъ: основателенъ ли нашъ взглядъ на сочиненіе г. Остроумова или нѣтъ.

Г. Остроумовъ предназначаетъ свое сочиненіе для духовныхъ семинарій. Но такъ какъ духовныя семинаріи состоятъ, главнымъ образомъ, изъ учащихся и учащихся, то интересно было бы знать: для кого именно предназначается книга г. Остроумова? Въ предисловіи онъ говоритъ, что „термины употребляются имъ въ смыслѣ „учебника Логикѣ“ — Свѣтилина, книги Ульрици: „тѣло и душа“ и „курса опытной Психологіи“ Чистовича. И при этомъ говоритъ, что „прежде употребленія Обзора необходимо знакомство съ первымъ и потомъ вторыми сочиненіями.“ Въ этихъ словахъ содержится довольно ясный намекъ, для кого предназначается печатаемое сочиненіе. Такъ какъ ученики прежде знакомства съ „Обзоромъ“ не могутъ быть знакомы со вторымъ сочиненіемъ — „тѣло и душа“ Ульрици, потому что оно не стоитъ въ необходимой связи съ предметами, преподающимися въ III классѣ, а если бы и стояло, то оно рѣшительно не подѣ силу ученикамъ третьяго класса, то можно думать, что сочиненіе г. Остроумова предназначается не для учениковъ, а для преподавателей. Какъ ни похвально стремленіе г. Остро-

умова—облегчить трудъ преподавателей дух. семинарій, однако мы должны сказать, что сочиненіе его неудовлетворительно не только какъ пособіе для преподавателей, но и какъ пособіе для учениковъ. Для доказательства, мы прослѣдимъ шагъ за шагомъ развитіе мыслей автора во введеніи, разборомъ котораго на первый разъ, пока, и ограничимся.

Философію г. Остроумовъ опредѣляетъ, какъ науку „о бытіи съ его цѣломъ, изъясняющую его изъ абсолютнаго основанія, съ цѣлюю образовать міросозерцаніе, разсудочное и систематическое по формѣ, истинное и достовѣрное по содержанію“. Вторая половина этого опредѣленія, какъ само собою понятно, несущественна для философіи, потому что черты эти должны принадлежать и всякой наукѣ вообще, а не одной только философіи. Остается, такимъ образомъ, первая половина опредѣленія, которая должна быть признана неудовлетворительною потому, что авторъ вводитъ съ перваго раза такія два понятія, съ которыхъ преподаватель никоимъ образомъ не можетъ начинать своихъ бесѣдъ съ воспитанниками: это а) понятіе *бытія* и б) понятіе *абсолютнаго основанія*. Понятія эти способны поставить въ тупикъ всякаго, даже самаго лучшаго ученика IV класса. Правда, преподаватель можетъ объяснить эти понятія воспитанникамъ. Но каково объяснять эти понятія съ самаго начала курса, это лучше всего показываетъ самъ г. Остроумовъ, который понятіе *абсолютнаго основанія* оставляетъ безъ всякаго объясненія, а понятіе *бытія* хотя и разъясняетъ, но разъясняетъ невѣрно. Г. Остроумовъ говоритъ, что *подъ цѣлымъ (?!) бытіемъ нужно разумѣть всю совокупность существующаго, дѣйствительнаго или возможнаго, все то, что можетъ быть предметомъ знанія, не исключая и самаго познанія, или даже самаго понятія бытія*. Не говоря уже о томъ, что по такому опредѣленію бытія въ область философіи должно войти, кромѣ чисто философскаго, и специальное содержаніе всѣхъ другихъ наукъ, самое понятіе бытія г. Остро-

умовымъ опредѣляся невѣрно. Если бытіе понимать такъ, какъ опредѣляетъ его г. Остроумовъ, то къ области бытія нужно отнести много субъективнаго, неимѣющаго реального значенія, такимъ понятіемъ о бытіи, слѣдовательно, будетъ выдаваться за бытіе то, что вовсе не есть бытіе. Очевидно, что авторъ не знакомъ съ тѣми опредѣленіями бытія, которыя выработаны философій (*). Такимъ образомъ, самое понятіе о философій, сдѣланное г. Остроумовымъ, нельзя назвать ни вѣрнымъ и точнымъ со стороны содержанія, ни удачнымъ въ педагогическомъ отношеніи.

Затѣмъ, во второмъ параграфѣ г. Остроумовъ говоритъ о потребностяхъ возникновенія философій. Единственною потребностью возникновенія философій онъ признаетъ *потребность нашего духа въ истинѣ*. Но развѣ эта потребность можетъ быть названа потребностью, обуславливающей исключительно возникновеніе философій? Вѣдь и всѣ науки вообще возникаютъ вслѣдствіе потребности нашего духа въ истинѣ и г. Остроумовъ, указывая на эту потребность возникновенія философій, нисколько не разъясняетъ, почему, кромѣ специальныхъ наукъ, эта потребность нашего духа въ истинѣ производитъ еще философій? Только при помощи отвѣта на этотъ вопросъ г. Остроумовъ могъ бы уяснить себѣ тѣ потребности, которыми обуславливается возникновеніе исключительно философій.—Говоря въ этомъ-же параграфѣ объ условіяхъ возникновенія философій, г. Остроумовъ повторяетъ, съ нѣкоторыми несущественными измѣненіями, то, что сказано въ учебникѣ проф. Диницаго.

Въ слѣдующемъ параграфѣ г. Остроумовъ разсматриваетъ важнѣйшій вопросъ—объ отношеніи философій къ религіи, наукѣ, искусству и жизни практической. Здѣсь, какъ само собою понятно, задача изслѣдователя должна состоять въ томъ, чтобы показать точки соприкосновенія между философій и указанными

(*) Для примѣра, см. понятіе о бытіи Гербарта въ соч. Карияскаго, послѣдній періодъ Герм. философій,“ Спб. 1873, стр. 207 и 208.

областями духовной жизни чело­вѣка и, затѣмъ, показать влія­ніе ихъ на философію, главнымъ же образомъ—показать влія­ніе философіи на религію, науку, искусство и жизнь практическую, что весьма важно при современныхъ отрицательныхъ взглядахъ на философію, такъ какъ разъясненіе вліянія философіи на указан­ныя области духовной жизни могло-бы служить самою лучшею апологіею философіи. И г. Остроумовъ предчувствовалъ эту за­дачу изслѣдованія, когда говоритъ, что „*философія должна, не унижая собственнаго значенія (?) и не теряя полной своей самостоятельности (?) въ ряду этихъ дѣятельно­стей, способствовать надлежащему и успешному ихъ раз­витію,*—но авторъ, говоримъ, *предчувствовалъ* только эту задачу, а не сознавалъ ее ясно и еще менѣе выполнилъ ее. Такъ, прежде всего, говоря объ отношеніи философіи къ религіи, г. Остроумовъ начертываетъ планъ единенія философіи и религіи. По этому плану, религія „*должна открывать истину чело­вѣческому сердцу въ свойственной ей формѣ, а философія должна только объяснять смыслъ и значеніе этого религі­ознаго откровенія безъ нарушенія правъ какъ религіи, такъ и своихъ собственныхъ въ полной увѣренности, что истин­ная религія и истинная философія должны открывать одну и ту же истину, только разнымъ образомъ.*“ Все это разсужденія весьма благонамѣренныя. Но при этомъ было-бы хорошо, если-бы г. Остроумовъ доказалъ *психологически и исторически* возможность такого благодушнаго единенія между философіей и религіей. Безъ выполненія-же этого условія всѣ разсужденія г. Остроумова являются совершенно *бездоказатель­ными*, немогущими привести рѣшительно ни къ чему, потому что одинъ противоположный фактъ изъ исторіи отношенія философіи къ религіи можетъ набросить тѣнь въ глазахъ ученика на всѣ разсужденія его наставника. Этотъ-то послѣдній пунктъ и нуж­но-бы имѣть въ виду г. Остроумову при своихъ разсужденіяхъ. объ отношеніи философіи къ религіи.

Точно также бездоказательны разсужденія г. Остроумова объ отношеніи философіи къ наукѣ. Всѣ его разсужденія кружатся, лави ымъ образомъ, около той мысли, что философія „должна быть изяснительницею и руководительницею наукъ опытныхъ“. Но г. Остроумовъ и здѣсь не задалъ себѣ вопроса: одно-ли и тоже предписаніе долга и исполненіе его? Надъ рѣшеніемъ этого вопроса ему необходимо было-бы особенно поработать, потому что въ настоящее время всячески стараются отвергнуть это руководство философіи по отношенію къ наукамъ опытнымъ. Автору нужно-бы было не только указать на фактъ, но и доказать и, при томъ, путемъ чисто *историческимъ* вліяніе философіи на опытныхъ науки, на то великое значеніе, какое имѣла и имѣеть философія для развитія наукъ опытныхъ. Безъ подобныхъ-же фактическихъ доказательствъ всѣ разсужденія г. Остроумова являются поверхностными, неспособными убѣдить даже мало-мальски мыслящаго ученика семинаріи.

Еще слабѣе разсужденія г. Остроумова объ отношеніи философіи къ искусству. Собственно говоря, тутъ у него и нѣтъ никакихъ разсужденій, потому что г. Остроумовъ ограничивается горькимъ сѣтованіемъ о гибельныхъ послѣдствіяхъ *увлеченія* философіи красотою и художественнымъ міровоззрѣніемъ. Отсюда онъ выводитъ то нравоученіе для философіи, что она никогда не должна поддаваться подобнымъ увлеченіямъ, потому что это „можетъ оказать вредное вліяніе на образованіе самаго философскаго міровоззрѣнія“. Но обнаруживается ли въ чемъ-нибудь вліяніе философіи на искусство? спросимъ мы. На рѣшеніе этого-то послѣдняго вопроса и должно-бы быть обращено все вниманіе г. Остроумова. Рѣшить-же этотъ вопросъ можно опять таки только *историческимъ* путемъ. Изъ исторіи развитія искусства г. Остроумовъ увидалъ-бы, напр. каково вліяніе на творческіе таланты чисто философскихъ дарованій, напр. *глубокомысля* (Шекспиръ), каково вліяніе на творчество *философскаго образованія* подъ руководствомъ тѣхъ или другихъ философскихъ

системъ (Гете, Шиллеръ и др.), каково вліяніе философіи на эстетическую критику (Бѣлинскій) и мн. др. Только подобнымъ образомъ можно-бы было доказать важное значеніе философіи для искусства. А это-то для нашей цѣли и необходимо.

Наконецъ, и въ разсужденіяхъ объ отношеніи философіи въ жизни практической г. Остроумовъ ограничивается исключительно преподаніемъ совѣтовъ философіи—не *увлекаться* слѣшкомъ вопросами нравственности. Мы не сомнѣваемся, что роль совѣтника весьма почтенная, но въ данномъ случаѣ она совершенно бесполезна. Задача автора и здѣсь должна состоять опять таки въ томъ, чтобы показать: вліяетъ-ли философія на жизнь практическую и если вліяетъ, то въ чемъ состоитъ это вліяніе. А этой-то задачи г. Остроумовъ и не выполнилъ. Правда, въ началѣ параграфа онъ говоритъ, что „философія, разсматривая и изъясняя свойства практической жизни, оцѣнивая сравнительное достоинство частныхъ формъ въ общемъ ея развитіи, не только открываетъ законы личной или общественной дѣятельности человѣка, но и вырабатываетъ руководительныя начала этой дѣятельности, дающія ей то или другое направленіе и тѣмъ способствующія ея процвѣтанію и разумой постановкѣ.“ Но эти положенія, вѣрныя сами по себѣ, у г. Остроумова остались совершенно недоказанными. Авторъ ни однимъ фактомъ не подтвердилъ *дѣйствительно* вліянія философіи на жизнь практическую. А между тѣмъ это-то вліяніе въ настоящее время и подвергается всего болѣе сомнѣнію; говорятъ, что всѣ проэктныя улучшенія практической жизни такъ и остаются проэктными, существующими въ головѣ самаго философа или его школы; вліянія-же на измѣненіе жизни эти проэктны не имѣютъ никакого. Напротивъ, жизнь, говорятъ, развивается совершенно самостоятельно, независимо отъ различныхъ теорій и это самостоятельное развитіе жизни такъ сильно, что увлекаетъ за собою даже самую философію, какъ это видимъ мы, напр. въ древнемъ греческомъ и римскомъ эпикуреизмѣ, или въ современномъ утилитаризмѣ. Не есть-ли *уряжаю-*

ше“ значеніе философіи для жизни совершенно фиктивное? Вотъ на какія воззрѣнія объ отношеніи философіи къ практической жизни долженъ бы отвѣтить г. Остроумовъ, а не долженъ бы ограничиваться одними совѣтами, предохраняющими философію отъ увлеченій. Всякій и безъ этихъ совѣтовъ знаетъ, что увлекаться опасно, и однако увлеченія отъ этого нисколько не прекращаются. Г. Остроумовъ долженъ бы *фактически* доказать, что всѣ философскіе проекты улучшенія практической жизни не остаются бесплодными химерами, но хотя медленно, однако вѣрно вліяютъ на развитіе практической жизни. Безъ выполненія же этого условія всѣ разсужденія г. Остроумова остаются поверхностными, голословными, бездоказательными.

Въ слѣдующемъ параграфѣ: *объ историческомъ значеніи эпохъ процвѣтанія философіи* мы встрѣчаемся съ такою же поверхностностію и бездоказательностію. Г. Остроумовъ ограничивается только двумя чисто теоретическими положеніями: а) что „эпохи процвѣтанія философіи всегда сопровождаются оживленіемъ и напряженіемъ умственной дѣятельности общества и б) такъ какъ процвѣтаніе философскихъ изслѣдованій сопровождается, какъ въ частностяхъ, такъ и въ общемъ обновленіемъ цѣлаго народнаго міросозерцанія, то вслѣдствіе этого въ обществѣ происходитъ замѣна старыхъ отжившихъ теоретическихъ началъ дѣятельности новыми, которыя влечетъ за собою новое міросозерцаніе.“ Достаточны ли эти разсужденія для того, чтобы произвести въ читатель убѣжденіе, что эпохи процвѣтанія философіи дѣйствительно имѣли великое историческое значеніе? Нисколько. Теоретическое разсужденіе, какъ бы оно ни было логично, никогда не произведетъ полнаго убѣжденія въ его истинности, если не будетъ опираться на неопровержимыхъ фактахъ. Вотъ почему г. Остроумовъ, вслѣдствіе требованія самаго заглавія параграфа, долженъ бы былъ а) указать самыя эпохи, въ которыя философія достигала особаго процвѣтанія и б) указать историческое значеніе этихъ эпохъ процвѣтанія философіи, т. е. долженъ указать тѣ-

факты, которые и свидѣтельствовали бы о *дѣйствительномъ* вліяніи эпохъ процвѣтанія философіи на развитие исторической жизни человечества. А этого, то въ разсужденіяхъ г. Остроумова мы, по обыкновенію, и не находимъ.

Дальнѣйшіе два параграфа посвящены разбору предубѣжденій, или, говоря точнѣе, возраженій противъ философіи. Эти опроверженія г. Остроумова такъ слабы, такъ общи, что не могутъ произвести ни малѣйшаго переворота въ душѣ сомнѣвающагося въ возможности и необходимости самостоятельнаго существованія философіи. А между тѣмъ этотъ пунктъ такъ важенъ, что отъ него зависитъ быть или не быть философіи. Авторъ долженъ знать, что рѣдкіе изъ теперешнихъ семинаристовъ не знакомы съ возраженіями противъ философіи изъ книги Льюиса^{*)}, да съ какими убѣдительными возраженіями! Вотъ почему и опроверженія этихъ возраженій не должны быть общими мѣстами, а должны быть разсужденіями, полными силы, глубины и научной основательности. Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію опроверженій противъ философіи въ трудѣ г. Остроумова, мы ни одно изъ нихъ не можемъ назвать состоятельнымъ. Такъ, что касается опроверженія перваго возраженія, то хотя г. Остроумовъ и старался доказать, что философія имѣетъ свой собственный предметъ, однако необходимость существованія философіи, какъ особой науки, этимъ нисколько не доказывается. И послѣ чтенія опроверженія г. Остроумова необходимо возникаютъ слѣдующіе вопросы: проговѣе для существованія философіи: а) если философія имѣетъ свой собственный предметъ, то почему нельзя допустить, что предметъ ея не можетъ быть изслѣдованъ остальными науками? Вопросъ этотъ могъ бы быть рѣшенъ только тогда, когда бы авторъ самымъ точнѣйшимъ образомъ разграничилъ область философіи отъ области всѣхъ другихъ наукъ и показалъ бы, почему задача философскаго изслѣдованія не можетъ

(*) См. Отчетъ о ревизіи Харьковской Семинаріи произведенной г. Зиченко въ 1874 г., стр. 14, 19.

быть выполнена специальными науками? Затѣмъ, (б) съ г. Остроумовымъ, пожалуй, могутъ согласиться, что философія имѣетъ свой собственный предметъ, который не можетъ быть предметомъ изслѣдованія ни одной специальной науки. Но вотъ вопросъ: составляетъ ли изслѣдованіе этого предмета *необходимую потребность* человѣческаго духа? Не удовлетворяются ли всѣ потребности чел. духа специальными науками? Возраженіе это, какъ извѣстно, съ особенною силою предъявляется послѣдователямъ философіи представителями позитивизма и нашего русскаго реализма. У г. же Остроумова мы не находимъ ни одного слова въ опроверженіе этихъ возраженій.

Что касается втораго возраженія, дѣлаемаго противъ философіи представителями науки, то г. Остроумовъ даже формулировалъ его невѣрно, а рѣшить—и совѣмъ не рѣшилъ. Сущность возраженія противъ философіи, какъ формулировалъ его г. Остроумовъ, состоитъ въ томъ, что философія не рѣшила ни одного изъ своихъ вопросовъ, а потому для нея и не возможенъ никакой прогрессъ. Таковъ смыслъ возраженія. Въ своемъ опроверженіи г. Остроумовъ первую половину этого возраженія обходитъ и старается доказать, что и философія имѣетъ свой прогрессъ, только этотъ прогрессъ не количественный, а качественный. Понятное дѣло, что отъ этой услуги философіи не можетъ быть легче. Противники ея, пожалуй, согласятся, что философскія понятія постепенно улучшаются, но достигается ли въ этомъ улучшеніи понятій истина? вотъ въ чемъ суть возраженія. Извѣстно, что предметомъ философіи служить *сущность* бытія, или, выражаясь языкомъ г. Остроумова, бытіе въ его цѣломъ, изъясняемое изъ абсолютнаго основанія. Но что это за познаваемая область? Это такая область, которая лежитъ за предѣлами всякаго опыта, это область всего сверхъестественнаго и сверхъчуждественнаго. А если такъ, то мы не можемъ знать, говорятъ противники философіи, заблуждаемся ли мы или познаемъ истину, потому что для философіи не существуетъ возможности

опытной провѣрки своихъ изслѣдованій, поэтому, какъ говоритъ Льюисъ, философія имѣетъ дѣло не съ трудностью, а съ невозможностію *). Такое возраженіе, исходящее изъ непознаваемости самаго предмета философіи, усиливается еще тѣмъ соображеніемъ, что для философіи и по самому *методу* ея изслѣдованія недостижима истина. Методъ философіи, говорятъ, чисто умозрительный, а извѣстно, какъ далеко можетъ расхотиться умозрѣніе съ показаніями опыта. Такимъ образомъ для философіи ни по предмету, ни по методу изслѣдованія истина недостижима. Вотъ какое возраженіе долженъ бы былъ опровергнуть г. Остроумовъ, а не долженъ доказывать, что и для философіи возможенъ прогрессъ, состоящій все въ большемъ и большемъ уясненіи извѣстныхъ понятій.

Второй отдѣлъ введенія посвященъ, главнымъ образомъ, разсмотрѣнію отношенія между философіей, философскимъ ученіемъ и философствованіемъ. Здѣсь г. Остроумовъ обнаруживаетъ полнѣйшее непониманіе того, что такое философія. Философію онъ отождествляетъ, съ одной стороны, съ философствованіемъ, а съ другой—съ философскими ученіями. Вотъ въ этомъ-то отождествленіи и высказывается полнѣйшее непониманіе того, что такое философія. Философія не есть ни философствованіе, ни философское ученіе,—она выше ихъ и заключаетъ ихъ въ себѣ, какъ свои моменты. Философія, какъ показываетъ самое названіе, есть любовь или стремленіе къ мудрости. Но всякое стремленіе должно быть силою, которая обнаруживается въ дѣятельности и приводитъ къ опредѣленнымъ результатамъ. Тѣ результаты, въ которыхъ обнаруживается стремленіе человеческого духа къ мудрости, суть ничто иное, какъ опредѣленные философскія ученія или системы. Такимъ образомъ, философія относится къ философскому ученію, какъ сила къ своему продукту или результату. Изъ этого общаго взгляда на отношеніе философіи къ опредѣленному философскому ученію мы должны сдѣлать тотъ вы-

(*) Исторія философіи, введеніе, стр. V.

вѣдь, что философія какъ сила или потребность чловѣческаго духа, является не готовою, а есть нѣчто развивающееся и въ своемъ развитіи обнаруживающееся въ различныхъ формахъ, которыя суть ничто иное, какъ философскія ученія. И какъ всякая сила существуетъ только въ своей дѣятельности и нигдѣ помимо ея, такъ и философія существуетъ только въ философскихъ ученіяхъ; помимо же философскихъ ученій философіи не существуетъ. Однако мы не должны на этомъ основаніи отождествлять философію съ философскими ученіями, какъ это дѣлаетъ г. Остроумовъ. Ни одна философская система, говоритъ Куно-Фишеръ, никогда не можетъ исчерпать всей философіи, подобно тому, какъ извѣстное художественное произведеніе не исчерпываетъ всего искусства, или чловѣкъ не исчерпываетъ всего чловѣческаго рода. И хотя философія, какъ стремленіе или сила чловѣческаго духа обнаруживается только въ своихъ ученіяхъ, однако она не воплощается въ нихъ всецѣло, но переживаетъ свои произведенія и обнаруживается въ произведеніяхъ новыхъ, все болѣе и болѣе совершенныхъ. Поэтому, если—бы философія въ какое нибудь время вовсе не проявлялась и не производила-бы никакихъ системъ, то мы не могли-бы сказать, что предшествующія системы исчерпали всю философію. Напротивъ, какъ сила, философія безконечна; въ ней заключается *идеаль*, который хотя и присутствуетъ въ каждомъ ея проявленіи, однако ни въ одномъ всецѣло не воплощается и обнаруживается только въ непрерывномъ развитіи. Такимъ образомъ философію съ философскимъ ученіемъ ни коимъ образомъ отождествлять нельзя. Еще менѣе можно отождествлять философію съ философствованіемъ, какъ силу съ дѣятельностію. Философствованіе есть не философія, а только размышленіе, благодаря которому философія обнаруживается въ извѣстномъ философскомъ ученіи. Таковы разсужденія г. Остроумова о философствованіи, философіи и философскомъ ученіи. Еще о двухъ параграфахъ втораго отдѣла мы не считаемъ нужнымъ говорить, потому

что одинъ изъ нихъ заимствованъ изъ учебника проф. Липицкаго, и другой—списанъ цѣликомъ изъ программы.

Относительно третьяго отдѣла введенія въ обзоръ философскихъ ученій мы ограничимся только общимъ замѣчаніемъ, что г. Остроумовъ не совсѣмъ понялъ планъ программы. Программа требуетъ, чтобы преподаватель, прежде изученія обзора, познакомилъ учениковъ съ историческимъ развитіемъ философіи, для того, чтобы чрезъ это лучше выяснить самое понятіе философіи, потому что понятіе это нигдѣ *такъ* не выясняется, какъ въ процессѣ историческаго развитія. Г. же Остроумовъ вмѣсто историческаго очерка представилъ какое—то философское поминанье съ перечисленіемъ именъ всѣхъ философовъ, съ точнымъ обозначеніемъ годовъ ихъ рожденія и смерти, съ различными многочисленными дѣленіями и подраздѣленіями.... А для чего? Богъ вѣсть.

А. Гиляревскій.

Некролог.

25 сентября скончался въ Рязанскомъ Троицкомъ монастырѣ преосвященный Иринархъ, бывший архіепископъ Рязанскій.

14 октября скончался, послѣ долговременной и тяжелой болѣзни, преосвященный Никодимъ епископъ Дмитровскій викарій Московской епархіи.

Участіе казаковъ въ нынѣшней войнѣ.

Вомандиръ Донскаго казачьяго № 18-го полка (Измайловъ), отъ 18 минувшаго сентября, изъ деревни Эски-Билбилѣ пишетъ войсковому штабу, что въ дѣлѣ съ турками 14 прошлаго

сентября, при дер. Чобанъ-Куюлу убиты: Урядникъ Казанской станицы Андрей Дубовкинъ и казаки: Ярыженской станицы Парфень Славновъ, Преображенской Емельянъ Кузнецовъ и Андрей Жоринъ, Кобылянской—Ермилъ Тимохинъ, и Чернышевской—Григорій Чернышковъ и Кононь Калмыковъ: ранены: командующій 3 сотнею Есауль Иванъ Ивановъ Сазоновъ, и казаки: Цыплянской станицы—Зиновій Пѣговъ, Верхне-Чирской Евтей Венедиктовъ, Ярыженской Матвѣй Макаровъ, Нижне-Чирской Егоръ Пчелинъ, Чернышевской Тома Варламовъ, Есауловской Авдѣй Семеновъ и контужень казакъ Голубинской станицы Исай Переходновъ. Кромѣ того убито девять и ранено десять строевыхъ казачьихъ лошадей.

Его Императорское Высочество Главнокомандующій Дѣйствующею арміею пожаловалъ уряднику Донскаго казачьяго № 12 полка Ананію Ежову знакъ отличія военного ордена за взятіе семи пѣхотныхъ турецкихъ солдатъ.

Государь Императоръ, согласно ходатайства Начальника Русскаго отряда, Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича, изволилъ пожаловать Донскаго казачьяго № 12 полка уряднику изъ дворянъ Ивану Цымлову и казаку Филипу Родоманову знаки отличія военного ордена за неоднократно выказанные ими примѣры мужества личной храбрости въ дѣлѣ съ турками при деревняхъ Черновода и Лени-Эсмилъ.

Въ дѣлѣ съ турками подъ Русукомъ убиты строевыя лошади Донскаго казачьяго № 12 (Хрещатицкаго) полка, подъ урядникомъ Глазуновской станицы Артемомъ Гардѣевымъ, и казаками: Еланской—Александромъ Мельниковымъ и Казанской—Маркіаномъ Симоновымъ.

Въ дѣлѣ съ турками при деревнѣ Кадыгіой убиты: Мигулинской станицы урядникъ Даниль Фроловъ и казаки: Старогригорьевской—Яковъ Зуевъ и Мигулинской—Андрей Мрыхинъ. Ранены: урядникъ Усть-Медвѣдицкой станицы Петръ Широковъ, Вешенской—Савелій Оедуловъ и Старогригорьевской Филипъ Марилинъ и казаки: Еланской—Григорій Лавренивъ, Казанской Евлампій Назаровъ, Митягинской—Карпъ Деревянкинъ, Вешенской—Андрей Сычевъ, Старогригорьевской—Сергѣй Вострюковъ и Борисъ Романовъ.

Въ этомъ же дѣлѣ убиты лошади: сотника Висильева и казаковъ: Слащевской станицы Луки Арѣшкина, Старогригорьевской—Якова Зуева, Мигулинской—Ивана Назарова, Глазуновской—Савелія Давыдова, Мигулинской—Андрея Агрязкова и Петра Мрыхина, Кременской—Аптона Съдова, Гундоровской—Лазаря Гайдукова, Перекопской—Михаила Макѣва, Федосѣвской—Михаила Луткова и Казанской—Харитона Щегалькова. Ранены: Вешенской станицы у казака Данила Калмыкова, Мигулинской Аристарха Довгина, и Михѣя Чурбасова, и Казанской—Агима Кирсанова и Сергѣя Дропова.

Походный атаманъ иррегулярныхъ войскъ дѣйствующей арміи отъ 23 минувшаго сентября изъ Горнаго Студеня пишетъ Войсковому Штабу, что казакъ Донскаго казачьяго № 29-го полка Верхне-Кундрюческой станицы Евсегаей Масловъ, отъ полученной раны въ дѣлѣ съ турками при д. Чераджи, умеръ.

Въ дѣлѣ съ туками при деревнѣ Кадыгіой раненъ пулею на вылетъ въ лѣвое плечо казакъ Вешенской станицы Евлампій Богатыревъ и въ этомъ же дѣлѣ убиты лошади подъ казаками.

Казанской станицы Родиономъ Петровымъ и Иваномъ Журавлевымъ, Сиротинской—Матвѣемъ Долговымъ и Мигулинской—Никитою Титовымъ; ранены подь казаками Мигулинской станицы Ильею Щербуневымъ и Кирѣемъ Голубовымъ.

Казакъ Донскаго казачьяго № 26 (Краснова) полка Ефимовъ, послѣ перестрѣлки съ турками подь г. Казанлыкомъ, неизвѣстно гдѣ подьлся. (Дон. Обл. вѣд.)

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Объ изданіи Донскихъ епархіальныхъ вѣдомостей въ 1878 году.

Изданіе Донскихъ епархіальныхъ вѣдомостей будетъ продолжаться и въ слѣдующемъ 1878 году, по той же, утвержденной Св. Синодомъ программѣ. Цѣна изданія остается прежняя: 3 руб. 37 1/2 коп., а съ доставкою и пересылкою 4 рубля.

Редакція Донскихъ епархіальныхъ вѣдомостей проситъ редакцію журналовъ и газетъ, съ которыми производится обмѣнъ изданій въ семь году, продолжать его и въ слѣдующемъ 1878 году.

Объ антропологической выставкѣ 1879 г. въ Москвѣ.

Лѣтомъ 1879 года въ Москвѣ будетъ антропологическая выставка Императорскаго общества естествознанія, антропологии и этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ. Почетнымъ Предсѣдателемъ выставки будетъ Е. И. В. Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Выставкою будетъ завѣдывать Коми-

теть, существующій съ 1873 года и подготовляющій давно уже къ выставкѣ самые разнообразныя предметы.

Въ составъ антропологической выставки входятъ предметы, относящіеся: 1, къ антропологическому изученію племенъ Россіи; 2, къ доисторическимъ племенамъ ея (доисторическая археологія), 3, къ общей антропологии и систематикѣ племенъ.

Предметы, допускаемые на выставку, суть: сочиненія по антропологии, этнографіи, исторической археологіи; карты размѣщенія племенъ и историческихъ памятниковъ, фотографіи племенъ, виды мѣстностей, характеристичныхъ для изученія быта племенъ, снимки съ костюмовъ, утвари и жилищъ; бюсты, манекены племенъ, модели жилищъ и костюмовъ первобытныхъ вародовъ, вещи ихъ домашняго быта, вѣрованій и промысловъ, статистическія таблицы рожденій, смертности такихъ племенъ, модели кургановъ и гробницъ, вещи, найденныя въ первобытныхъ могилахъ, геологическія разрѣзы и карты мѣстностей, важныхъ по отношенію къ доисторическому человѣку, планы и модели пещеръ, образцы горныхъ породъ, изъ которыхъ выдѣлывались орудія доисторическаго человѣка или первобытныхъ племенъ, образцы, растений и остатки животныхъ, важныхъ для уясненія условій жизни первобытныхъ или доисторическихъ народовъ, снаряды для антропологическихъ изслѣдованій и т. п.

Вещи должны быть представлены къ 1-му августа 1878 года на имя „Распорядительнаго Комитета Антропологической Выставки общества любителей Естествознанія въ Московскомъ университетѣ“.

За предметы особенно важныя положено выдавать почетныя награды.

Экспонентъ долженъ, присылая вещи, обозначить: имя, фамилію, званіе и адресъ, число высылаемыхъ вещей, съ обозначеніемъ каждой изъ нихъ, посылаетъ ли ихъ въ даръ обществу или только для выставки.

Судя по протоколамъ Комитета, изъ которыхъ мы заимству-

емь эти свѣдѣнія, нужно ожидать, что выставка будетъ разнообразная, обширная и въ высшей степени интересная. Желательно бы было, чтобы жители Дона не поскупились посылкою предметовъ, указанныхъ въ программѣ 1-й антропологической выставки.

Членъ Комитета для устройства антропологической выставки.
А. Крыловъ.

СОДЕРЖАНІЕ. 1 *Отдѣль неофициальный.* Рѣчь, произнесенная Высокопреосвященнымъ Александромъ, Архіепископомъ Донскимъ и Новочеркасскимъ, при открытіи реального училища 2 октября сего года. Записка объ архивѣ, находящемся въ Старочеркасскомъ соборѣ. Критическая замѣтка. Некрологи. Участіе казаковъ въ нынѣшней войнѣ. Объявленія. Объ изданіи Донскихъ епархіальныхъ вѣдомостей. Объ антропологической выставкѣ 1879 г. въ Москвѣ.

Редакторъ, Архимандритъ Веніаминъ.

Печатать дозволяется: Цензоръ, протоіерей *Григорій Прозоровскій*. Новочеркасскъ. Ноября 1 дня 1877 года.

Печ. въ Област. войска Донскаго Типографіи. Ноября 1 дня 1877 г.